

Рогде против Дании

[Rohde – Denmark] (№ 69332/01)

Постановление от 30 июня 2005 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

Заявитель был арестован, и ему предъявили обвинение в торговле наркотиками в связи с ввозом партии плодов папайи, в которой было обнаружено 5,684 килограмма кокаина. 14 декабря 1994 г. городской суд вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу в одиночной камере. Срок действия меры пресечения продлевался несколько раз ввиду отсутствия разумных объяснений причастности заявителя к ввозу наркотиков. Заключение под стражу в одиночной камере было отменено 28 ноября 1995 г., когда заявитель подтвердил, что он участвовал в операциях по ввозу фруктов, но полагал, маскируемая фруктами контрабанда имела отношение к бриллиантам. После этого заявителя содержали в заключении в обычных условиях до 14 мая 1996 г., когда вышестоящий суд, заседавший как суд присяжных, оправдал заявителя по обвинению в совершении преступлений, связанных с наркотиками. Впоследствии заявитель возбудил в суде исковое производство с требованием выплаты компенсации. Во время рассмотрения дела по иску заявителя суду были представлены медицинские заключения, из которых следовало, что у заявителя не было никаких признаков психического заболевания до его заключения под стражу, но в момент проведения медицинского обследования, то есть в конце 1997 года, чувство реальности у заявителя было утрачено в такой степени, что его можно было охарактеризовать как психопатическую личность, страдающую, по всей вероятности, параноидальным психозом. Кроме того, принимая во внимание особые черты характера заявителя и его психическую уязвимость, врачи установили, что по всей вероятности вспышка и развитие его болезни увязаны с тем фактом, что он на длительное время был водворен в одиночную камеру.

Окончательным постановлением от 5 сентября 2000 г. Верховный суд Дании присудил заявителю компенсацию в размере 1 109 600 датских крон в возмещение причиненного ему в связи с инвалидностью и утратой трудоспособности материального ущерба. Требования заявителя о выплате компенсации за причиненный ему моральный вред были отвергнуты, поскольку Верховный суд установил, что заявитель сам в значительной мере способствовал тому, чтобы применялась избранная в его отношении мера пресечения, в особенности тем, что он несколько раз менял свои объяснения по делу и активно препятствовал расследованию по версии о контрабанде наркотиков, выдвигая «версию прикрытия». Кроме того, Верховный суд установил, что не имелось оснований предполагать, что с заявителем не обращались надлежащим образом в период предварительного заключения под стражу и что, соответственно, в деле не были обнаружены признаки нарушения требований Статьи 3 Конвенции.

Вопросы права

По поводу соблюдения требований Статьи 3 Конвенции, что касается вопроса, не было ли чрезмерно длительным содержание заявителя в одиночном заключении. Европейский Суд вновь подтверждает свою позицию, заключающуюся в том, что

одиночное заключение лица само по себе не является нарушением требований Статьи 3 Конвенции. Хотя длительное отлучение человека от общения с другими людьми является нежелательным, вопрос о том, подпадает ли водворение в одиночную камеру под действие положений Статьи 3 Конвенции, зависит, среди прочего, от конкретных условий, строгости, продолжительности и последствий применения этой меры в отношении конкретного лица. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что в недавних докладах Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, касающихся положения в Дании, одиночное заключение фигурирует как бросающийся в глаза вопрос в продолжающемся диалоге между этим Комитетом и властями Дании. Европейский комитет по предупреждению пыток подчеркивал, что все формы одиночного заключения, применяемые без соответствующей психологической или физической стимуляции заключенного, могут в долгосрочном плане иметь разрушительные для личности последствия, выражающиеся в ухудшении умственных способностей и навыков общения с людьми.

В настоящем деле продолжительность одиночного заключения заявителя составила одиннадцать месяцев и четырнадцать дней. Хотя такая продолжительность может стать предметом озабоченности, давая свою оценку обстоятельствам дела, Европейский Суд принял во внимание условия содержания заявителя и степень его изоляции от людей. Он содержался в камере размером около восьми квадратных метров, где был телевизор, и ему был обеспечен доступ к газетам. Хотя ему было запрещено общение с другими заключенными, у заявителя были регулярные контакты с сотрудниками тюрьмы, ему давались еженедельные уроки языка, и его посещал тюремный священник. Его регулярно навещали врачи, медсестры и психотерапевты; у него также были свидания с членами семьи и друзьями под наблюдением сотрудников тюрьмы. В этих обстоятельствах Европейский Суд установил, что период одиночного заключения нельзя приравнивать к обращению с человеком в нарушение требований Статьи 3 Конвенции.

По вопросу о том, осуществлялось ли эффективное медицинское наблюдение за психическим здоровьем заявителя. Европейский Суд отмечает, что как раз в день своего ареста заявитель выразил намерение совершить самоубийство. Кроме того, в середине января 1995 года он объявил голодовку, в ходе которой он каждый день наблюдался врачами и один раз его обследовал врач-психиатр. На основании представленных медицинских записей Европейский Суд считает установленным, что заявителя регулярно посещали медицинские работники и что они быстро реагировали и усиливали свое наблюдение над заявителем в тех случаях, когда у него проявлялись перемены в настроении или поведении. Кроме того, Европейский Суд напоминает о показаниях главного консультанта тюрем г. Копенгагена, которые он дал в судах страны, и в которых подчеркивалось, что никто из высококвалифицированных и хорошо подготовленных врачей и медсестер, наблюдавших заявителя, не заметил никаких признаков психических расстройств у заявителя. Следовательно, Европейский Суд не может разделить точку зрения заявителя, что проводившееся за ним медицинское наблюдение не было как таковое адекватным и достаточным. Надо сказать, что врач-психолог или врач-психиатр не обследовал заявителя автоматически или на регулярной основе, однако такая общая обязанность не может быть возложена на власти. Наконец, что касается показаний матери, двоюродного брата заявителя, тюремного священника и учителя о том, что поведение заявителя в период одиночного заключения должно было бы подвигнуть власти на то, чтобы обеспечить его более специализированным медицинским наблюдением, следует заметить: никто из этих

свидетелей не высказал свою озабоченность по этому вопросу судам или администрации тюрьмы, а это было бы вполне уместно. В этих обстоятельствах Европейский Суд пришел к заключению, что у заявителя не было недостаточного медицинского наблюдения.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что по делу требования Статьи 3 Конвенции нарушены не были (принято четырьмя голосами «за» и тремя голосами «против»).